

Могу сказать, что такой же ответ дал мне легат, когда мы освободились из плена. Как бы то ни было, отныне каждую пятницу во время поста я питался только хлебом и водой. Легат очень сердился на меня, потому что я был единственным человеком высокого положения, который отстался с королем.

В следующее воскресенье по приказу эмира я и все прочие, которые попали в плен, были высажены на берег реки. Когда Жана, моего доброго священника, выносили из трюма галеры, он потерял сознание. Сарацины убили его и кинули тело в воду. Его прислужник тоже был без сознания от слабости из-за лихорадки и потому, что получил удар камнем по голове. Сарацины убили и его, а тело тоже бросили в воду.

Пока всех остальных больных начали сносить с галер, где они содержались в плену, их на берегу уже ждали сарацины с обнаженными саблями, готовые поступить с ними так же, как со священником. Я послал моего сарацина сказать им, что они совершают очень несправедливые деяния, поскольку они противоречат учению Саладина (Салах-ад-дин, 1138–1193, египетский султан с 1175 года), сказавшего, что ты не должен убивать человека, с которым хоть раз разделил хлеб и соль. Адмирал сказал, что к людям, о которых идет речь, это не относится.

Далее он приказал привести мою команду и сказал, что все они отказались от своей веры. Я предупредил, что не стоит доверять им, потому что если они так легко предали нашу сторону, то с той же легкостью предадут и его, как только им представится время и возможность. Адмирал ответил, что согласен со мной, потому что Саладин не раз говорил, что никогда не видел, чтобы плохой христианин становился хорошим сарацином, а плохой сарацин – хорошим христианином.

Вскоре после этого он заставил меня сесть на коня и ехать рядом с ним. Миновав наплавной мост, мы направились к Мансуре, где содержались в плену король и его люди. Мы подошли к большому шатру, занятому писцами султана, которые записали мое имя. И тут мой сарацин сказал мне: «Господин мой, дальше я с вами не пойду, потому что не имею права. Но разрешите мне попросить вас держать за руку ребенка, который при вас, а то сарацины заберут его». Ребенка, о котором он говорил, звали Бартелеми, и он был незаконнорожденным сыном сеньора Монфокона.

После того как мое имя было записано, адмирал отвел меня в другой шатер, где собрались все сеньоры. Когда я вошел, они встретили меня такими громкими криками радости, что мы с трудом слышали слова друг друга. Они возблагодарили Господа нашего за мое спасение и говорили, что думали, будто окончательно меня потеряли.

Мы провели в обществе друг друга не так много времени, когда сарацины приказали старшим среди нас подняться и увели нас в другой шатер. Большая часть рыцарей и всех остальных находились во дворе, окруженном глинобитными стенами. По обычаю наших врагов их по одному выводили оттуда и спрашивали каждого: «Хочешь ли ты отречься от своей веры?» Тех, кто отказывался отречься, отводили в сторону и рубили им головы; тех же, кто соглашался, отводили в другую сторону.

В это время султан прислал своих советников поговорить с нами. Нас спросили, кому они должны передать послание их властителя, и мы посоветовали обратиться к графу Пьеру де Бретаню. При советниках султана были особые люди, называвшиеся драгоманами, то есть те, которые знали наш язык так же хорошо, как и свой, и они перевели послание султана с сарацинского на французский для передачи графу Пьеру.

У нас состоялся следующий разговор. «Мессир, – сказали сарацины, – султан послал нас спросить, хотите ли вы получить свободу?» Граф дал утвердительный ответ. «Что вы готовы дать султану ради своей свободы?» – затем спросили они. «Все, что можем, – ответил граф, – если это в пределах разумного». – «Можете ли вы дать нам какой-нибудь из замков, принадлежащих пэрмам за морем?» Граф ответил, что не в его власти передать любой из этих замков, потому что они принадлежат правящему императору Германии. Тогда они спросили, можем ли мы ради обретения свободы сдать любой из замков, принадлежащих храмовникам или госпитальерам. Граф ответил, что это не может быть сделано; правители этих замков, получая их, приносили клятву на святом Евангелии, что никогда не сдадут ни одного из этих замков, чтобы освободить человека из плена. На это члены совета заметили, что, похоже, мы отнюдь не испытываем желания получить свободу, и сказали, что сейчас прийдут к нам люди с саблями, которые и займутся нами, как они уже поступили с другими из нашей армии. С чем они и ушли.

Как только они удалились, в наш шатер ворвалась толпа молодых сарацин с саблями на поясах. Они привели с собой очень пожилого человека с белыми как снег волосами, который спросил